

23 НОЯ 1998

На правах рукописи

Сизинцева Лариса Ивановна

**МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В КОСТРОМСКОМ КРАЕ.
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ.
XIX – первая треть XX века.**

*Специальность 24.00.03. – Музееведение.
Консервация и реставрация историко-культурных объектов.*

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии.**

Москва, 1998.

*Работа выполнена в Российском государственном
гуманитарном университете.*

Научный руководитель: академик Российской Академии образования,
доктор исторических наук, профессор
С.О. Шмидт.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
В.А. Муравьев;
академик Крымской академии наук,
доктор исторических наук, профессор
С.Б. Филимонов.

Ведущая организация: Российский институт культурологии.

Защита состоится «___» _____ 1998 г. в «___» часов на заседании
диссертационного совета К.064.49.01 по адресу: 125267, Москва, Миусская
пл., 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ.

Автореферат разослан «___» _____ 1998 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат искусствоведения

М.Д. Назарли

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования. Музейное дело нашей страны переживает кризис, причины которого обычно видят в сложном экономическом положении, недостаточном финансировании учреждений культуры, в тяжелом материальном положении потенциальных посетителей музеев и т.п. Влияние этих условий можно признать значительным, но как тогда объяснить, что в то же самое время при отсутствии средств продолжают создаваться новые музеи, в том числе и в глубокой провинции. Так, только за последние несколько лет в Костромской области было создано четыре муниципальных музея, не считая ведомственных. Значит, существуют и другие факторы, влияющие на создание, существование и исчезновение музеев и, шире, - на различные формы музейной деятельности, которая не ограничивается рамками музеев, как государственных институтов. И в этой ситуации особый интерес представляет обращение к историческому опыту, изучение закономерностей жизни музеев, музейного отношения к миру, музейной деятельности.

Объект и предмет исследования. Объектом настоящего исследования избрана музейная деятельность, предметом – совокупность конкретных ее проявлений на территории Костромского края во всем их многообразии.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования стала выработка основ анализа музейной деятельности и их апробация на конкретно-историческом материале. Это предполагает решение следующих задач:

- Выявление особенностей музейной деятельности;
- Выяснение основных ее составляющих;
- Исследование условий, необходимых для осуществления музейной деятельности и факторов, влияющих на этот процесс в провинции;
- Рассмотрение конкретных форм реализации музейной деятельности на территории Костромского края;
- Определение круга деятелей, их мотивов, целей, задач и рассмотрение результатов деятельности;
- Установление связей между различными формами общественной и музейной деятельности.

Территориальные рамки. Для выявления максимальной полноты картины музейной деятельности, территориальные рамки сужены до пределов одного микрорегиона, условно названного Костромским краем. Это определение (край) позволяет подчеркнуть несводимость этой территории к площади административных образований (княжеств, наместничества, губернии, района, области). Костромской край – это исторически сложившаяся

территориальная целостность, пронизанная административными, хозяйственными и культурными связями. Музейная деятельность рассматривается как одно из проявлений сложившейся на этой территории культурной традиции.

Временные рамки. Период, рассмотренный в работе, - XIX – первая треть XX вв. – вместил полный цикл музейной деятельности: от обозначения протомузейных форм в отношении к предметному миру – до создания развитой музейной сети и ее последующего уничтожения.

Источниковая база. Использованные в исследовании источники разнообразны. Исходя из классификации, предложенной С.О. Шмидтом¹, их можно разделить на вещественные, изобразительные и словесные (конвенциональные, поведенческие и звуковые, которые содержали бы информацию по интересующей теме и периоду, обнаружить не удалось).

Вещественные и изобразительные источники хранятся в фондах Костромского историко-архитектурного музея – заповедника и его филиалов, а также в собрании Костромского музея изобразительных искусств. Сами музейные коллекции рассматривались в ходе исследования как результат деятельности многих поколений музейных работников, коллекционеров, краеведов, археологов, земских деятелей. Автором исследования была проведена значительная работа по научному описанию и атрибуции многих музейных предметов старых поступлений, а также учтена аналогичная работа других исследователей.

К классу словесных источников можно отнести использованные в работе устные предания, не зафиксированные на каких-либо носителях (их можно отнести к типу «разговорная речь»), и также опубликованные и неопубликованные письменные источники.

Неопубликованные словесные источники удалось обнаружить в архивах, музеях, библиотеках Москвы (ОПИ ГИМ, РГАДА), Санкт – Петербурга (РГИА, ГМЭ, ОР РНБ, архивы СПб филиалов РАН, Института археологии, Института отечественной истории РАН), а также в архивохранилищах Костромской области, в первую очередь в Государственном архиве Костромской области (использованы материалы 26 фондов). Используются также архивные материалы Костромского управления Федеральной службы безопасности, которые частично переданы в Центр документации новейшей истории Костромской области.

Кроме этого широко использовались опубликованные словесные источники, как относящиеся к числу источников личного происхождения (воспоминания, письма, путевые заметки и т.п.), так и материалы многочислен-

¹ Шмидт С.О. О классификации исторических источников// Вспомогательные исторические дисциплины. –Л., 1985. –Т.XVI. –С. 3 – 24.

ных государственных и общественных организаций, комитетов, комиссий, характеризующие их музейную деятельность.

Методологическая база. Исследование имеет междисциплинарный характер, а потому при его подготовке были учтены результаты теоретических разработок, предпринятых в рамках различных научных дисциплин – философии, психологии, музееведения, истории и др.

Стержневым для данной работы стало понятие деятельности. Оно относится к разряду универсальных, предельных абстракций, а в данном случае рассматривается как предмет объективного научного изучения, т.е. «как нечто расчленимое и воспроизводимое в теоретической картине определенной научной дисциплины в соответствии с методологическими принципами последней, со спецификой ее задач и совокупностью основных понятий»².

С учетом публикаций Э. Юдина, Н. Злобина, А. Огурцова, Г. Батищева, А. Брушлинского и др. в настоящем исследовании обосновывается особая роль человека, субъекта деятельности, под воздействием которого объект из материала трансформируется в предмет, а затем в продукт деятельности. Анализ деятельности предполагает выделение цели, средств и результата.

В данном случае деятельность рассматривается в контексте культурно-исторического процесса, участником которого является «личность, т.е. социальный индивид, в той мере, в какой он присвоил себе родовую сущность, реализуется как личность»³. В этом случае содержанием деятельности становится неисчерпаемый ряд «опредмечивание – распредмечивание – опредмечивание». Опредмечивание рассматривается как переход человеческих представлений и способностей в предмет, «очеловечивание» вещи, причем оно переходит грубо-вещественные границы и человек, изменяя мир, изменяет самого себя. Опредмечивание диалектически связано с распредмечиванием, когда логика предмета становится достоянием другого человека.

Таким образом, деятельность – это процесс взаимодействия человека и среды, осуществления человеком своей творческой сущности в этом мире. Это само по себе предполагает изучение данного процесса на двух уровнях – личности и общества, что предопределило обращение к результатам исследований, полученных в области психологии и социо-культурной антропологии.

В области психологии категория деятельности наиболее полно осмыслена в работах А.Н. Леонтьева, итогом которых стала книга «Деятельность. Сознание. Личность» (2-е изд., - М., 1977). Его формула предполагает

² Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М., 1978. –С.272.

³ Злобин Н.С. Терминологическое разногласие /и/ или концептуальные расхождения// Деятельность; теория, методология, проблемы. –М., 1990. С. 220,226.

два параллельных ряда, в первом их них – деятельность, состоящая из действий, которые в свою очередь осуществляются выполнением ряда операций. Во втором ряду деятельность соотносится с мотивом, действие – с целью, операция – с задачей.

Критерий этих переходов А.Н. Леонтьев видит в отношении человека к тому, что он делает. В некоторых случаях деятельность может утратить мотив и стать действием или, напротив, операция может для исполнителя стать деятельностью. В качестве примера приводится гоголевский Акакий Акакиевич, для которого простейшая операция превратилась в деятельность, обрела личностный смысл, который, создавая пристрастность человеческого сознания, и связывает реальность объективного мира с мотивами субъекта деятельности.

Однако при определенных условиях личностный смысл деятельности не только не совпадает со значением ее для общества, но и противоречит ему. Возникает отчуждение между ними. Это понятие вошло в научный оборот как калька немецкого «*Verfremdung*» после перевода на русский язык трудов представителей немецкой классической философии, обращавшихся к проблеме деятельности. Уже Фихте противопоставлял субъекта действия («Я») – предметному миру («не - Я») и рассматривал это как отчуждение. Возвращение мира человеку осуществлялось благодаря деятельности.

В XX веке интерес к проблемам деятельности и отчуждения вернулся в философию в эпоху кризиса, пережитого как тотальное отчуждение человека от мира. В этой ситуации публикация ранних рукописей К. Маркса, осуществленная представителями Франкфуртской школы в 1930-х гг., была воспринята как указание пути решения проблемы – в его модели неотчужденного бытия деятельность самоценна и необходима, поскольку человек изменяет в ее ходе не только мир, но и себя, универсально, т.е. по законам красоты. С поражением «новых левых» интерес к этим идеям стал угасать.

В России он начался изданием в 1958 году «Экономико-философских рукописей 1844 г.». В середине 1960-х гг. количество публикаций по этой проблематике сильно сократилось, но это было связано с переходом на новый уровень ее осмысления и развития (в частности, работы Э.В. Ильенкова, А.Н. Леонтьева и др.). После политического кризиса 1991 года тема практически оставлена, хотя эвристический заряд проблемы далеко не исчерпан, поскольку он определен не идеологией, а стремлением научно осмыслить осуществление человеческой личности в социуме.

Степень разработанности проблемы. Музейная практика в СССР и странах социалистической системы складывалась в условиях авторитарной государственной системы, с ее централизацией, жестким идеологическим монополизмом, подчинявшим себе и культурную жизнь. Музей был осознан

как рычаг идеологического воздействия, как и другие каналы коммуникации, он был подчинен интересам государственной машины, превращен в ее деталь, механический узел, утратив способность и необходимость жить по своим, ему одному присущим законам. Самосознание музейного дела – его теория – зафиксировала представления о музее, оставшиеся от 1930 – 40-х гг.: музей воспринимался как институт, подчиненный интересам государства. Этот подход позже получил название институционального, и по мере либерализации общественной системы начался поиск путей его преодоления. Особенно активно он шел в тех странах, где раньше был отпущен политический пресс, не случайно именно в Чехословакии 1950-х гг. И. Неуступны впервые подверг сомнению основы институционального подхода.

В советском музееведении эти поиски не были ни осуждены, ни подхвачены. Информация о них появлялась, главным образом, в малотиражных изданиях НИО Информкультура, и едва ли не первым сборником, позволившим широкой музейной общественности познакомиться непосредственно с переводами самих текстов музееведов Восточной Европы, стал сборник «Музеи мира», вышедший в 1991 году.

Экспериментальные и теоретические исследования отечественных музееведов были сосредоточены, главным образом, на социальных функциях музеев, исследовалась плоскость соприкосновения музея и посетителя. Идеологические мотивы уже утратили доминирующую позицию, но в качестве субъекта музейной деятельности по-прежнему предполагалось государство, музей рассматривался как его институт, а посетители – как объект воздействия, – то есть теория фиксировала, пыталась осмыслить сложившуюся практику отечественной музейной системы.

Разорвать этот круг, обогатить теорию, могли бы исторические изыскания, но значительный материал, накопленный историками музейного дела как в изучении истории столичных музеев, так и в многочисленных работах по истории музейного дела в провинции, существовал как бы независимо от теоретических поисков, собственно музееведческие приемы анализа исторического материала не были выработаны.

Между тем уже в «Очерках истории музейного дела в России» исторический материал и исследовательская интуиция позволили авторам сборников наметить пути преодоления институционального подхода: в статьях С.А. Каспаринской (Овсянниковой), А.М. Разгона, И.П. Иваницкого и других рассматривались внемузейные формы сохранения исторической среды, частное коллекционирование, промышленные выставки и пр. Этот материал не укладывался в прокрустово ложе современной ему теории и мог бы взорвать ее, если бы тогда же был осмыслен. Но эти два потока информации тогда не соприкоснулись.

В настоящем исследовании предпринята попытка использовать теорию музееведения как инструмент анализа исторического материала. Препятствием на этом пути стала недостаточная степень разработанности проблемы музееведения как науки.

Отталкиваясь от институционального подхода, исследователи не всегда могут предложить приемлемую и обоснованную альтернативу. «Предмет музееведения – не музей, – пишет К. Шрайнер, – он не должен рассматриваться, как часть предмета доминирующей науки»⁴. «Предметом музееведения не может быть музей», – декларирует чешский исследователь З. Странски, объясняя это тем, что музей – лишь исторически преходящая форма специфического отношения человека к действительности, которую он называет «музейностью». Суть ее «проявляется в стремлении к приобретению и сохранению, несмотря на естественную тенденцию изменения и исчезновения истинных ценностей, сохранение и использование которых создаст и умножит гуманистический и культурный облик человека»⁵.

Преодоление времени во имя культуры, – в этом же видит смысл музейного отношения к действительности словацкая исследовательница А. Грегорова, которая говорит о «тройdimensionальности действительности», как «усилии, подтверждающем континуальность самого исторического развития общества (и природы) для потребности настоящего времени (современности) и будущего»⁶. В ее концепции музейное отношение к действительности является «себя – проекцией», то есть самопознанием и самовыражением человека, познанием его места в истории общества и природы.

К. Шрайнер, критикуя «музейность» как предмет музееведения, справедливо отмечает, что музейность не присуща предметам имманентно, «не существует ценностей самих по себе, ценности возникают». Однако и определение предмета, данное Шрайнером, тоже не может удовлетворить: оно сводит все к процессу сбора, хранения, изучения и использования музейных объектов, не отвечая на вопрос – что же их делает музейными, когда они приобретают это новое качество.

Приходится констатировать, что в музееведении нет готового определения специфики музейной деятельности. В это смысле характерно признание З. Странского о необходимости «научно толковать это специфическое отношение человека к действительности и привести нас к познанию музейности в ее исторической и общественной взаимосвязи»⁷.

В настоящем исследовании предпринята попытка дальнейшего продвижения в этом направлении, исходя из анализа конкретно-исторического

⁴ Музееведение. Музеи мира. – М., 1991. С. 43

⁵ Там же. С. 18,19.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С.19.

материала, полученного на локальной территории. Это подключает работу к еще одной традиции – красведческой, которая имеет давние корни как на территории нашей страны, так и в Костромском крае.

Сегодня обращение к изучению небольших территорий характерно не только для отечественной, но и для зарубежной исторической науки, это объясняется тенденцией «очеловечить» историю, осмыслить процесс с точки зрения его непосредственных участников, понять логику их поступков.

В нашем случае музейная деятельность рассматривается как проявление органически сложившейся историко-культурной традиции. Выбор территории обусловлен не исключительностью или типичностью ее, - то и другое можно будет установить лишь при сопоставлении результатов исследования с материалами других территорий.

Такой подход глубоко укоренен в истории отечественного краеведения, он восходит к «локальному методу», сформулированному С. Архангельским в 1927 году, на волне подъема краеведческого движения. Сегодня, в условиях нового подъема краеведческого движения, идеи Архангельского развиваются, получила распространение концепция микрорегиона, который рассматривается как результат взаимодействия природной и культурной среды. Этот принцип лег в основу концепции Музейной энциклопедии, реализованной благодаря привлечению местных красведческих сил при координационной и методологической помощи сотрудников Российского института культурологии (Москва). Основные принципы ее использованы и в настоящей работе.

При подготовке диссертации учтен также опыт авторов, исследовавших связь музейной деятельности с местной красведческой и культурной традицией (работы Е. Поповой, К. Акинши, Г. Луговой, Г. Найдаковой, Г. Присенко, Т. Размустовой и др.). Таких исследований все больше, их число растет по мере развития краеведческого движения. В настоящей работе использованы в первую очередь те из них, что касаются истории краеведения и его роли в сохранении культурного наследия. Это как публикации С.О. Шмидта, А.А. Формозова, С.Б. Филимонова, А.А. Севастьяновой, так и работы костромских исследователей: В.Н. Бочкова, А.Д. Шипилова, Е.А. Флеймана и других.

Чрезвычайно плодотворным оказалось обращение к историографии отечественного краеведения. Это не только статья С. Архангельского, но и труды Н.П. Анциферова, И.М. Гревса, Н.К. Пиксанова и других исследователей, которые при обращении к краеведческой тематике в 1920 – е гг. привнесли свой опыт фундаментальных исследований в новую для себя область. То же происходит и сегодня, когда краеведческие вопросы оказываются в поле зрения Д.С. Лихачева, С. О. Шмидта – массовое движение получает новый теоретический импульс.

Определение целей и задач настоящего исследования отчасти обусловлено традициями, сохранившимися в костромском краеведении. Еще в 1923 году председатель Костромского научного общества В.И. Смирнов писал: «Высказывалось мнение, что мерить мировым масштабом небольшой район нецелесообразно, что задачей краеведения является изучение явлений, замкнутых в границах краевой территории. Едва ли это так должно быть. Всякое явление должно быть изучено, а не зарегистрировано только, и притом изучено с мировым масштабом в руках»⁸.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка сформулировать основы анализа музейной деятельности и опробовать их на конкретно-историческом материале. Впервые в научный оборот введено значительное количество новых источников, на основе которых рассмотрены процессы музейной деятельности, протекавшие в рамках Костромского микрорегиона.

Практическое значение исследования. Основные выводы, сделанные в ходе работы, послужили основой при создании концепции развития Костромского объединенного музея-заповедника, учтены в работе над Законом о музеях Костромской области. Материалы были использованы при написании отдельных статей Музейной энциклопедии, при подготовке областной энциклопедии «Костромской край», опубликованы на страницах различных научных и научно-популярных изданий. Результаты исследования могут быть использованы специалистами по истории культуры, музейного дела, краеведения. На основании материалов исследования были атрибутированы многие предметы из собрания музея – заповедника.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликован ряд научных статей. Основное содержание отражено в докладах и сообщениях на конференциях в Москве (1988, 1990, 1991, 1992). Санкт-Петербурге (1989), Пензе (1989), Ярославле (1990, 1991, 1993). Туле (1991, 1994), Переславле – Залесском (1993), Щелькове (1990), Ельце (1992), Нерехте (1990, 1993), Чухломе (1995). В Костроме тема была апробирована на ежегодных Григоровских чтениях (1990 - 1998) и на Бочковском семинаре (1994 - 1998), на научно-практической конференции, посвященной 100-летию музея-заповедника (1991), на научном совете по работе музеев России (1991).

Кроме того, материалы исследования были использованы при подготовке выставок, построенных в Костромском музее – заповеднике в 1987, 1988 и 1991 гг.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. К работе приложен список источников и литературы.

⁸ Смирнов В.И. Костромское научное общество по изучению местного края за 10 лет (1912 - 1922)// Краеведение. –М.; СПб., 1923. - № 1.

Основное содержание работы.

Ведение. Во введении обоснована актуальность темы, сформулированы цели и задачи исследования, определены его объект и предмет, методологические основы, степень изученности темы. Здесь же, исходя из основных положений теории деятельности, предложены основы рассмотрения субъекта, объекта, продукта, условий и характера музейной деятельности.

Глава I. Формирование традиций.

1.1. Костромской микрорегион: особенности и традиции.

Территориальное единство костромского микрорегиона складывалось на протяжении долгого времени на границе крупных этнокультурных зон взаимовлияния западных и восточных археологических культур. Начиная с мезолита, встречаются многослойные археологические памятники, что можно считать признаком формирования микрорегионов. С конца XII века одновременно со славянской колонизацией отмечено появление монастырей, ставших религиозно-культурными, просветительскими и хозяйственными центрами. Вокруг них складывались поселения, многие из которых стали городами.

В XII-XVIII веках на территории края располагались два равнозначных центра, Галич и Кострома, которые впервые были административно соединены при образовании в 1744 году Костромской епархии, а в 1778 году это объединение скрепило образование Костромского наместничества, в 1796 году ставшего самостоятельной губернией.

К числу особенностей микрорегиона можно отнести значительное распространение старообрядчества, которое существовало наряду с глубокими традициями ортодоксального православия, которое было локализовано в монастырских центрах и одновременно определяло жизнь всех сословий общества. Природные условия рискованного земледелия привели к распространению технических культур (прежде всего льна) и развития на этой основе текстильной промышленности, а там, где условия были не благоприятны, развивались неземледельческие промыслы и отход, что повлекло за собой значительное воздействие культуры столичных центров. При этом губерния считалась дворянской, и с середины XVIII века дворянские усадьбы начинают становиться культурными гнездами и влиять на жизнь губернии в целом.

В развитии самосознания края значительную роль сыграла связь с представителями центральной власти, что было характерно как для Галича, князя которого в XV веке боролись с московскими правителями за великое княжение, так и для Костромы, тесно связанной с родами Годуновых и Романовых (Михаил Федорович Романов был призван на царство из Костромского Ипатьевского монастыря).

По классификации Н.К. Пиксанова, Костромской край можно отнести к числу центров с давним «культурным слоем»: он издавна накапливал культурные средства, воспитывал питомцев, сохраняя преемственность поколений.

1.2. «Протомузейный» период.

Устойчивые культурные традиции привели к тому, что уже до создания музеев в крае проявились признаки музейного отношения к предметной среде: сохранение памятных предметов и строений, в некоторых случаях – представление для осмотра широкому кругу лиц. Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. коллекционирование стало одной из неотъемлемых черт человека европейской культуры, независимо от его сословной принадлежности, – в числе коллекционеров не только дворяне, но и мещане, чиновники, представители духовенства, и купечества. В случае невозможности приобретения предметов в собственность они зарисовывались, фиксировались при помощи словесных описаний. Предметы, здания и природные комплексы начинали восприниматься как сознательная или неосознанная проекция личности. Это справедливо особенно для локальных культурных центров – храмов и монастырей, поселений старообрядцев, исторических городов, усадеб и их кабинетов.

В случае, где имело место осознанное сохранение памятных предметов, культурно значимых комплексов, основанное на осмыслении их значимости для истории близких людей, рода, страны, региона – там можно говорить о музейной деятельности. Причем чем раньше музейное отношение переходит в музейную деятельность, чем меньше временная дистанция между опредмечиванием и распредмечиванием, тем больше возможности сохранить предметы прошлого – для будущего.

Музейное отношение строилось на том, что отношение к человеку, событию, историческому периоду переносилось с целого – на часть, способную сохраняться длительный отрезок времени. Иногда, не будучи создана как знак, она наделялась значением теми, кто понимал необходимость ее сохранения для себя, для человеческих сообществ. Момент распредмечивания, то есть раскрытия внутренней логики создания и бытования предмета, может быть значительно удален во времени от момента опредмечивания. Чем короче эта временная дистанция, тем больше возможностей для сохранения вещи.

Уже до создания музеев на территории Костромского края были выявлены действия, направленные на предметную среду с целью ее неутилитарного сохранения; этот ряд начинается осознанием значения предметов и их комплексов, кроме того, отмечены действия, направленные на сохранение предметов, фиксация словесной информации о них, фиксация внешнего вида, коллекционирование, составление охранной документации, демонстрация предметов и их восприятие.

В домوزه́йный период эти действия редко составляют полную, непрерывную и последовательную цепь. Мотивом деятельности является она сама, субъект сам определяет объект, средства и условия деятельности, получая удовлетворение, - то есть такую деятельность следует признать неотчужденной, органичной. Но именно замкнутость деятельности на одном человеке приводит к тому, что предмет и собрание утрачивают значение после его смерти, что приводит к их гибели.

Одновременно с процессом сохранения предметов для будущего в домوزه́йный период было выделено направление музейной деятельности, названное практическим. Оно было представлено выставками, которые первоначально организовывались по указанию столичных деятелей, чтобы представить природные и промышленные особенности губернии сначала – наследнику российского престола Александру Николаевичу, в 1837 году совершавшему учебную поездку по стране, а затем и другим представителям династии.

Первоначально операции по выявлению и представлению предметов воспринимались как выполнение приказа столичных чиновников, но постепенно вырабатывались навыки, приходило осмысление, и операции превращались в действия, а затем и в деятельность, целью которой становилась «себя-проекция», осознанные особенности представлялись в виде логически связанных предметных комплексов.

Глава II. Создание музеев в губернском центре.

Два направления музейной деятельности, выявленные в период, предшествовавший появлению музеев, условно названные историко-культурным и практическим, получили развитие при создании их, причем первое направление предполагало сохранение предметов и комплексов для последующих поколений, а второе – использование их в современной практике.

2.1. Музеи с преобладанием задач хранения.

Историко-культурная традиция, непрерывная, уходящая в глубокое прошлое, поддержанная серьезными исследованиями в области истории и археологии, во второй половине XIX века была продолжена созданием мемориального комплекса в Ипатьевском монастыре, и Романовского музея Костромской губернской ученой архивной комиссии (далее - КГУАК).

В Ипатьи показ ризницы и келий, которые монастырское предание связывало с пребыванием в монастыре Михаила Федоровича Романова, стал привычным атрибутом царских посещений, что привело к созданию сначала археологических выставок, а потом и музея в «Романовских палатах». Задачам создания мемориального комплекса подчинялось даже возведение новых построек, например, церковь освящалась в честь святых Хрисанфа и Дарии,

память которых праздновалась 19 марта, в день отъезда Михаила Федоровича из монастыря в 1613 году.

Место размещения архиерейского дома, центра епархии, Ипатьевский монастырь получил возможность сконцентрировать в Романовских палатах древности, выявленные в ризницах многих храмов и обителей, Древнехранилище создавалось одновременно с Романовским музеем КГУАК, но собранные в монастыре предметы оставались собственностью епархиального ведомства, что позволяет рассматривать его как ведомственный музей.

Создатели древнехранилища в большинстве своем принадлежали к духовному ведомству, обладали корпоративным сознанием. Многие из них имели специальное археологическое образование и богатый исследовательский опыт. Ни один из них в отдельности не был владельцем результата общих усилий, но именно этот результат и был мотивом участников деятельности, что позволяет считать ее неотчужденной, органичной.

Органы управления епархии предоставили условия для реализации внутренних потребностей участников деятельности, создав необходимые для этого условия (предоставили здание, способствовали выявлению и сбору предметов). Ход деятельности определялся ее участниками, противодействия со стороны администрации отмечено не было.

Музейная деятельность КГУАК опиралась на серьезное и последовательное изучение древностей Костромской земли, а также истории династии Романовых. Благодаря тому, что эта тема оказалась значимой не только для костромичей, но и для жителей других губерний, жертвовавших на строительство Романовского музея, удалось построить здание, специально предназначенное для размещения музейных экспозиций.

В зависимости от того, какой категории посетителей предназначалось музейное собрание, его историю можно разделить на три этапа:

1. 1891 – 1896 гг. Музей с закрытым хранением, предназначен, прежде всего, для специалистов в области археологии, археографии. Предметы в закрытых шкафах, предъявляются по требованию посетителей. Интерьер приспособлен для лабораторных занятий с музейными предметами. Создатели и хранители И.В. Миловидов, И.Д. Преображенский.
2. 1896 – 1913 гг. Музей с открытым хранением, не получивший статуса «публичного». Малое помещение не позволяет проводить массовой просветительской работы, но круг посетителей значительно расширяется. Основной формой знакомства с предметами становится не столько детальное изучение, сколько осмотр. Экспозиция подчиняется тематическому принципу. Хранители – Н.М. Бекаревич, И.Д. Преображенский.
3. 1913 – 1917 гг. Публичный Романовский музей в особом специально для него предназначенном здании. Рассчитан на самый широкий круг посетителей. Перспективы как в области исследовательской, так и в области

просветительской работы. Сохраняется прежняя тематическая структура, но значительно увеличен Романовский отдел. Хранители – И.А. Рязановский, Н.Н. Виноградов и др.

Архивная комиссия, вложившая все силы в строительство здания музея и его экспозиций, практически прекратила свои занятия. Тем не менее, несмотря на отдельные утраты предметов, наличие специального здания позволило сохранить основной массив коллекций до 1917 года.

Наряду с созданием музеев сохранялось и частное коллекционирование. Отличной чертой этого периода стало появление крестьянских коллекций и музеев, то есть расширение социальных границ собирательства, в то же время выросло осознание общественной значимости частных коллекций, что проявилось в организации специальных выставок.

2.2. Музеи с преобладанием задач использования.

Создание органов местного самоуправления, призванных удовлетворять местные нужды, вызвали к жизни идею земского музея, который представлял бы производительные силы губернии, помогая их использованию. Земский музей был создан в Костроме по постановлению Губернского земского собрания 3 октября 1868 года, на основе существовавших в губернии частных естественноисторических коллекций, принадлежавших, в частности, Г.М. Девочкину, который занимался организацией земского музея в качестве члена управы. После его смерти в 1883 году собрание было утрачено, что свидетельствует о том, что музей, созданный по инициативе и на средства местного самоуправления, продолжал развиваться как частная коллекция, и со смертью деятеля исчез.

В 1887 и 1891 гг. на земских собраниях снова поднимался вопрос о создании музея, но, несмотря на выделение средств, назначение определенных лиц на заведование музеем, его существование было прерывистым и одна из причин того видится в отсутствии реальной связи музея с основной хозяйственной деятельностью земства.

Расцвет музейной деятельности земства и ее направления совпадают с интенсификацией основной деятельности на рубеже XIX – XX вв. – по мере развития пчеловодства, кустарных промыслов, школьного дела – создаются соответственно пчеловодный, кустарный, естественноисторический (образовательный) музеи и музеи наглядных пособий. Их создатели были, как правило, организаторами и участниками хозяйственной и просветительной деятельности земства, и музеи были для них прежде всего условием и средством основной практической деятельности.

Одновременно с созданием музеев в начале XX века земство – как губернское, так и уездное – устраивало выставки произведений разных промышленных отраслей (домашнего скота, продуктов полеводства, сельскохозяйственного оборудования и пр.). Они служили пропаганде передовых

методов хозяйствования и в то же время, по замыслу земства, были аренд для соревнования производителей.

Продолжая линию практического направления музейной деятельности, земские музеи были средством «себя - проекции», способом осознания и презентации практической работы земства, ее отражением и условием

В силу отсутствия давней традиции, это направление развивалось неровно, но в отличие от историко-культурного, получило более широкое распространение, - и только политические события 1917 года помешали земству реализовать идею сети краеведческих музеев при народных домах предложенную Н.Н. Виноградовым в 1916 году.

В том же русле практической деятельности стоял и музей Костромского научного общества по изучению местного края (далее - КНО), возникший одновременно с образованием общества, но не имевший собственного помещения, что задержало его развитие.

Рассмотренный конкретно-исторический материал позволяет утверждать, что создание музеев как официально признанных общественных институтов стало результатом развития процессов, наметившихся в «прото музейный» период, в течение которого происходило накопление навыков работы с предметами, «себя-проекции» посредством предметных комплексов что и привело к качественному скачку.

Органичность перехода предопределила преемственность в развитии двух направлений музейной деятельности. Музеи, среди которых преобладали направленные на сохранение предметов, своеобразные музеи интроверты, имели давнюю, многовековую традицию. К моменту создания музеев уже были выявлены, сохранены, осмыслены многие предметы, часть их была собрана в коллекции, людьми были освоены некоторые навыки работы с предметами. Это сказывалось на плавности эволюции форм этого направления; этапы коллекция – выставка – музей, были пройдены в условиях сохранения преемственности между ними.

Другая группа музеев, продолжавшая традицию «практического» направления музейной деятельности, имела менее длительную предысторию. Можно предположить, что именно это обстоятельство определило неустойчивость, прерывность существования этих музеев – экстравертов. При их создании ставились общественно значимые цели, но отсутствие опыта не позволяло решить промежуточные задачи. Потребовалось почти полвека, чтобы были согласованы цели и средства их достижения. Это привело к созданию значительного числа музеев (как в губернском центре, так и в уездах), существование которых не было самоцелью, но направлялось мотивами иной деятельности – педагогической, практической и т.д.

В этих условиях критерии отбора предметов определялись не уникальностью вещи, ее художественным или историческим значением, а ее ро-

лью в осуществлении основной деятельности, - распространении образования, повышении благосостояния населения и т.д. Отношение к предмету тоже было иным: легче воспринимались утраты предметов, поэтому их можно было выдавать во временное пользование, продавать, возвращать владельцам. Необходимость сохранения в музее диктовалась малой распространенностью их в тот период времени, малой доступностью. Но, главное, именно в музее посетителю открывалась логика предмета – благодаря экспозиционному контексту, пояснениям хранителей и т.д. То есть именно в музее происходило распредмечивание вещей, приводившее к ее последующему изготовлению (или приобретению) и использованию.

Для деятелей, создававших музеи, служивших в них, в большинстве случаев само участие в музейной деятельности доставляло удовлетворение, позволяло реализовать "родовую сущность человека", творящего универсально и свободно в соответствии со своими представлениями о мире. Деятельность, как показала историческая практика, только в том случае достигала своей цели, если находился человек, для которого общественные задачи музейной деятельности совпадали с ее внутренним личностным смыслом.

Особую роль в этот период развития музейной деятельности начинают играть люди, часто сами, не принимающие участие в работе с предметами, но сознающие смысл ее, умеющие поставить конкретные задачи, организовать других, создать условия для их действий и операций. Появление таких людей-лидеров, организаторов, позволяет вовлечь в орбиту музейной деятельности людей, для которых цель не достаточно ясна, возможности ограничены.

Наряду с новыми формами музейной деятельности, требующей более высокой степени общественной организации, сохраняются прежние, известные по протомузейному периоду - прежде всего коллекционирование, выставки и т.д.

Органическое развитие традиций музейной деятельности было прервано событиями 1917 года и их последствиями.

Глава III. Складывание музейной сети губернии.

Революционные события 1917 года привели к крушению прежних норм и институтов. Создание и выработка новых в первое время шли стихийно, разные общественные силы пытались оказать воздействие на сознание масс. В этих условиях музеи, выставки стали достаточно распространенным рычагом воздействия на общественное сознание. Музеи-экстраверты приобретали яркую идеологическую окраску, музеи-интроверты напротив, зячески заявляли о своей индифферентности, поскольку только в этом они видели возможность сохранить следы прошлого.

Как никогда прежде агрессивная идеологическая среда действовала на предметный мир: отношение к политическим противникам, «классо-

вым врагам», переносилось на связанные с их жизнью элементы среды. Уничтожено земство, как орган местного самоуправления, не пожелавший подчиниться вновь созданным политическим структурам, - следствием этого стала фактическая гибель большинства земских музеев. Идеи монархизма, способствовавшие строительству Романовского музея, были отвергнуты уже в марте 1917 года, а с приходом к власти большевиков, чья идеология была пронизана идеями атеизма, начались гонения на церковь, что привело к закрытию монастырей и ликвидации музея Церковно-исторического общества.

Но на смену им приходили музеи, которые, часто используя те же предметы, проповедовали иное к ним отношение. Именно так в 1927 году возник в стенах Ипатьевского монастыря Антирелигиозный музей. Некоторые музеи и выставки пытались продолжить традиции земских музеев - в этом направлении действовала выставка при "Доме крестьянина", пропагандировавшая прогрессивные формы землепользования. С целью оптимизации трудовых процессов был создан Музей охраны труда, с просветительскими целями - Музей охраны материнства и детства. Традиции педагогических музеев должны были продолжить "рабочие музеи внешкольного образования". Новое для Костромы явление - музеи изобразительных искусств - сразу поляризуются. Один из них, картинная галерея в Музее местного края, представляет традиционную линию реалистического искусства, другой - музей живописной культуры - пропагандирует новые формы выразительности.

Лидером в окружении музеев-однодневок, с легкостью возникавших и исчезающих, не оставив следа, стал музей Костромского научного общества, расположившийся в переданном ему здании Романовского музея КГУАК. Благодаря наличию специально оборудованного для музейных целей помещения, именно сюда поступали отдельные коллекции ликвидированных музеев, сдавались на временное хранение частные коллекции, именно это здание стало базой для работы Костромского научного общества.

3.1. Музей местного края.

Несмотря на то, что в условиях военного коммунизма КНО, существовавшее прежде на пожертвования и взносы, не могло содержать музейное здание и было вынуждено передать его на баланс губернского исполнительного комитета, на протяжении 1920-х гг. все же удалось сохранить «личную унию»: председатель КНО, определявший стратегическую линию развития общества, В.И. Смирнов, до 1928 года оставался директором музея, сотрудники которого были одновременно членами КНО. Работники лабораторий общества комплектовали и описывали музейные собрания, здание бывшего Романовского музея позволило сохранить предметы, оставшиеся после уничтожения других музеев.

По замыслу В.И. Смирнова, музей должен был стать научной лабораторией – и одновременно базой просветительской деятельности КНО.

Поскольку целью общества было всестороннее изучение края, то и экспозиции были подчинены краеведческим задачам, они рассматривались как условие и результат исследовательской работы, наряду с библиотекой и архивом. Особое значение придавалось научному описанию и систематизации поступивших материалов, в это же время началось комплектование предметами, документированными происходящие перемены в жизни человека и общества.

Стихийные поступления непрофильных музейных собраний первоначально нарушили предполагаемую систематическую структуру экспозиции; однако постепенно, к середине 1920-х гг. экспозиция все более приближалась к принятым в это время стандартам, налаживалось ведение учетной документации.

Четверо научных сотрудников, обеспечивавших работу музея, несмотря на разницу в характерах, были объединены общим взглядом на роль науки в жизни современного им общества, - они признавали ее исключительное значение, ей отводили решающую роль в решении существовавших на том этапе проблем. Организационный талант В.И. Смирнова помогал преодолеть существовавшие противоречия и направить усилия всех сотрудников и членов КНО к достижению единой цели: спасти материальные следы прошлого, помочь выжить в условиях разрухи, голода, резкой смены привычных жизненных ориентиров.

Тем не менее, работа КНО и музея была признана контрреволюционной, большинство деятелей арестованы и высланы. Началось распыление музейного собрания. Музейные предметы, как объективные свидетели прошлого и настоящего, мешали распространению политических догм, несмотря на подчинение структуры экспозиции новым идеологическим схемам.

3.2. Уездные музеи 1920-х гг.

Устройство музеев в уездных центрах Костромской губернии было частью концепции В.И. Смирнова по организации краеведного дела. Они, так же как и Музей местного края, должны были стать центрами исследовательской работы и аккумулировать ее результаты. Благодаря значительным организационным усилиям В.И. Смирнова сеть уездных музеев была создана, их не удалось открыть только в Буге и Нерехте. Главным условием жизнеспособности уездных музеев было наличие деятеля, который мог бы не только поставить цель, но и искать пути ее достижения, создать условия для этого, главным среди которых было наличие собственного помещения, в котором можно было бы обеспечить сохранность предметов.

Так же, как и в губернском центре, сами уездные краеведы и их деятельность противоречили тенденции унификации, подчинения всех территорий единому плану, единым идеологическим и хозяйственным нормам, что стало причиной ареста большинства из них. Но там, где музеям удалось

сохранить за собой помещение, коллекции были сохранены, и в 1960-х гг смогли послужить возобновлению музейной и краеведческой деятельности.

Заключение.

В заключении изложены результаты исследования, которые могут быть использованы в дальнейшем для анализа аналогичного эмпирического материала.

Обращение к основным положениям теории деятельности, разработанным в рамках других наук, позволяет переключить внимание с функционирования музея как учреждения, государственного института, - на деятельность человека, который был рассмотрен в качестве субъекта музейной деятельности.

При рассмотрении конкретно-исторического материала было выяснено, что музейная деятельность направлена на внешний по отношению к человеку предметный мир с целью выявления неутилитарного, культурного смысла его отдельных элементов, - смысла, актуального для конкретных людей и их сообществ, объединенных общими целями.

В ходе музейной деятельности выясняется, что предметы, архитектурные и природные объекты, а также их комплексы могут представлять время, процессы, явления, события и связанных с ними людей. Результатом музейной деятельности становится превращение объектов в артефакты, наделенные определенным значением. Музейная деятельность реализуется в форме сохранения артефактов. Возможны случаи, когда значение предмета проявляется именно в контексте собрания или экспозиции, и утрачивается после изъятия из них.

В соответствии с культурной традицией микрорегиона различные направления музейной деятельности развивались с разной интенсивностью. Давность традиции определяла устойчивость возникающих в ее русле явлений. На освоение новых направлений и форм музейной деятельности могли уйти усилия нескольких поколений деятелей.

В большинстве случаев музейная деятельность была связана с развитием «профильной» культурной или хозяйственной деятельности, а то и напрямую была ею детерминирована, иногда становясь ее условием и средством, то есть, превращаясь из деятельности в действие. В том случае, когда отдельные предметы или коллекции выпадали из системы деятельностных отношений, или попадали в систему квази-деятельности (то есть деятельности формальной, имитированной), - музеи и коллекции разрушались, предметы утрачивались. Если сохранившиеся предметы вновь попадали в поле деятельностных отношений, - снова создавались условия для их распределения, осмысления, подчас осуществлявшихся в иной, нежели прежде, плоскости. Обретение предмета и коллекции могли стать поводом к возобновлению прежней или началу новой деятельности.

Необходимо различать музейное отношение и музейную деятельность. Последняя, характеризуется осознанностью, включает момент целеполагания и целедостижения.

Музейная деятельность только тогда оказывалась устойчивой, когда она была значима одновременно для деятеля и для общества.

В условиях резкой смены ценностных ориентиров, изменения устойчивых форм организации культурной и практической деятельности, вопреки неблагоприятным экономическим условиям, была отмечена активизация музейной деятельности, направленной на сохранение традиций. Тем не менее, многие музейные организмы были уничтожены, что позволяет сегодня установить, какие именно факторы оказали в этом случае решающее воздействие. Выяснилось, что самым важным из них стало наличие деятеля, способного, удерживая конечную цель, создать условия для ее достижения, для поддержания музейной деятельности, в ряду которых важнейшим было наличие помещения, позволяющего гарантировать сохранность предметов.

Основные положения диссертации отражены в работах:

1. У истоков экскурсионного изучения города: Из практики И.М. Гревса// Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции (20 –22 декабря 1989 г.) – Л., 1989. –С. 37 – 39. (0,1 п.л.)
2. Изобразительные источники по истории музейной деятельности в Костромском крае// Актуальные проблемы исторической науки: Тезисы докладов VI Областной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов, 4 – 6 февраля 1990 г. – Ярославль, 1990. – С. 100 – 101. (0,1 п.л.)
3. Отчуждение в музейной деятельности: 1920-е гг.// Тезисы докладов VI Всесоюзного совещания по проблеме «Комплексные методы в исторических исследованиях». Москва, 13 – 19 февраля 1990 г. –М., 1991. – С. 50 – 52. (0,1 п.л.)
4. Жизнь и судьба костромского музея// Памятники Отечества. – М., 1991. – С. 48 – 58. (0,8 п.л.)
5. Василий Иванович Смирнов. 1882 – 1941// Отечество. – М., 1992. –Вып.3. –С. 262 – 276. (1 п.л.)
6. Субъективный фактор в деятельности краеведческой организации: В.И. Смирнов и Костромское научное общество// Научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Михаила Ивановича Смирнова, Переяславль – Залесский. 28 – 30 сентября. Тезисы докладов. – Переяславль – Залесский, 1993. –С. 29 – 31. (0,1 п.л.)
7. Метод Н.К. Пиксанова как орудие исследования культурной жизни городов// Историческое краеведение: По материалам II Всесоюзной конфе-

- ренции по историческому краеведению. – Пенза, 1993. –С. 254 – 259. (0,5 п.л.)
8. Жизнь и судьба костромского музея// Краеведческие записки/ Костромской музей – заповедник. – Кострома, 1993. – Вып. 5. – С.3 – 13. (1 п.л.)
 9. Хронотоп провинциала// Русская провинция: Культура XVIII – XX веков –М., 1993. –С. 32-36. (0,5 п.л.)
 10. Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930 – 1931 гг.// Археографический ежегодник за 1991 г. –М., 1994. –С. 114 – 124; Приложение. С. 125 – 136. (1,5 п.л.)
 11. Переписка В.И. Смирнова как источник по истории «уездного краеведения» 1920-х гг.// Мир источниковедения: Сб. в честь С.О. Шмидта. –М. Пенза, 1994. – С. 336 – 340. (0,4 п.л.)
 12. К вопросу о «невежественной среде» провинциального духовенства второй четверти XIX века: по страницам переписки М.Я. Диева и С. Кострова// III Всероссийская научная конференция «Российская провинция XVIII – XX веков: Реалии культурной жизни. Тезисы докладов. –Пенза 1995. – С. 131 – 133. (0,1 п.л.)»
 13. Николай Виноградов: парадоксы судьбы// Русское подвижничество. –М. 1996. –С. 383 – 387. (0,5 п.л.)
 14. «Две культуры» Питирима Сорокина: к вопросу о культурно исторической стратификации// Российская провинция XVIII – XX веков Реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 25 – 29 июня 1995 г. – Пенза, 1996. –С. 139 – 148. (0,5 п.л.)
 15. Земские музеи в системе местного самоуправления// Вестник Костромского государственного педагогического университета. – Кострома, 1997 №2. – С. 63 – 65. (0,3 п.л.)